

Общественные места в российском городе XVIII века: церковь*

Ольга Кошелева

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Public Places in the 18th-Century Russian City: Church

Olga Kosheleva

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article, devoted to the behaviour and communication of people in public places of the 18th-century Russian city (markets, taverns, baths, inns, etc.), focuses on the behaviour of people in churches. They hosted events of local importance (weddings, baptisms, funerals, etc.) as well as communication between the authorities and their subjects (swearing oaths, reading decrees, etc.). The ecclesiastical space is presented as a place of social and gender tensions, aggravated in the time of Peter the Great by the “reform of piety”. Old Believers, foreigners of other faiths, supporters and opponents of Peter’s reforms and “ungodly” Orthodox Christians who clashed in the church and violated the unity of the Orthodox community. The church space proved to be saturated with human impressions, emotions and information. Although some people dared to express their dissatisfaction with the authorities, it was only on an emotional level, and therefore it is impossible to call the church space “public” in the sense given by J. Habermas.

Keywords: 18th-century Russia, public place, public space, ecclesia, Orthodox Church, “reform of piety”

В статье, посвященной образу действий и коммуникации людей в общественных местах российского города XVIII в. (на рынках, в кабаках, в банях, на постоянных дворах, и др.), основное внимание уделено поведению людей в храмах. В них проходили события местного значения (свадьбы, крестины, отпевания и др.), а также осуществлялась коммуникация власти с подданными (принесение присяг, чтение указов и проч.). Церковное

---

* *Citation:* Kosheleva, O. (2024). Public Places in the 18th-Century Russian City: Church. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 3. P. 818–835. DOI 10.15826/qr.2024.3.910.

Цитирование: Kosheleva O. Public Places in the 18th-Century Russian City: Church // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 3. P. 818–835. DOI 10.15826/qr.2024.3.910 / Кошелева О. Общественные места в российском городе XVIII века: церковь // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 818–835. DOI 10.15826/qr.2024.3.910.

пространство показано как место социальной и гендерной напряженности, усугубленной в петровское время «реформой благочестия». Единство православного сообщества нарушалось старообрядцами, иноземцами иных конфессий, сторонниками и противниками петровских реформ, «неблагочестивыми» православными, сталкивавшимися в храме. Церковное пространство оказывалось перенасыщенным людскими впечатлениями, эмоциями и информацией. Однако, хотя некоторые здесь и осмеливались выражать недовольство властью, но лишь эмоционально, потому назвать церковное пространство публичным в том смысле, который ему придал Ю. Хабермас, по мнению автора, невозможно.

Ключевые слова: Россия в XVIII в., общественное место, публичное пространство, еkkлeсия, православный храм, «реформа благочестия»

И ни церковь, ни кабаk – ничего не свято!

В. Высоцкий

Давайте забудем про Юргена Хабермаса. Нет, не навсегда, а на некоторое время. То, о чем я собираюсь писать в этой статье, если употребить английский язык, будет звучать как “public space”, что сразу вызовет в памяти всем известные работы этого исследователя и вложит в термин заданные им смыслы [Habermas, 1962; Habermas, 1992], если же сказать по-русски, то речь пойдет об общественных местах города без акцента на тот заряд публичности, о котором говорил немецкий историк.

Понятие «общественное место» в русской речи нашло показательное отражение в переводах учебника Яна Амоса Коменского “Orbis Pictus” с латинского и немецкого языков на русский, осуществленных, по всей видимости, в школе пастора Э. Глюка при Посольском приказе в начале XVIII в. Сохранилось два рукописных перевода, сделанных разными учителями [подробнее см.: Кошелева, 2023, с. 12–25]. В них есть глава 123 «Город», это очень краткий текст для детей, называющий все основные объекты любого европейского города. В его переводах видны попытки найти русский эквивалент латинскому понятию “publica adificius”. В первом случае он переведен как «явошные простые дворы», и далее раскрыто, какие именно: «церковь, школа, ратуша, торговые лавки» [ОР БАН. 26.3.1.50. Л. 31 об.]¹.

¹ Полностью фраза звучит так: «Явошные простые дворы суть среди города: церковь, школа, ратуша, торговые лавки, подле стен и ворот – пушечной двор [: оружница:], житеной двор [: житница:], кружала [: кабаки:] харчевни [: корчемницы:], позорища [: дивовища:]. Богаделня, на пусты места сходы и тюрьма [темница], на большей башне градские часы и храмина караульщиков. На улицах суть колодези, река или ручей, которая течет сквозь город, годится споласкивать нечистоту. Замок виден выше в городе всего же».

Другой переводчик написал иначе: «народные дома суть в середине города: церковь, школа, приказ, торговый двор»² [ОР БАН. 1.2.1. Л. 84].

Итак, два варианта: 1) «*явошны*е (то есть куда являются. – О. К.) *простые дворы* (то есть не дворцы. – О. К.)» и 2) *народные дома* (это дословный перевод). Не случайно переводчики не нашли понятия «общественное место»; оно не зафиксировано и в Словаре русского языка XVIII в., хотя прилагательное «общественный» широко употреблялось [Словарь, с. 113–118]. Вероятно, обобщающего понятия «общественное место» еще не сложилось.

Однако оно появляется в иных формах: наряду с глаголом «публиковать», широко использовавшимся уже в петровское время в смысле «обнародовать», появились и существительное «публика», и прилагательное «публичный», причем далеко не только в значении «узкого круга» знатоков и «дворянства знания», как пишет об этом Д. А. Сдвижков [Сдвижков, с. 153; иное мнение см.: Акельев, 2021, с. 811], но и простого народа, плебса. В этом отношении для нас интересны слова из письма московского главнокомандующего князя М. Н. Волконского Екатерине II, написанного в разгар Пугачевского бунта: «а приказал обер-полицмейстеру употребить надежных людей для подслушивания разговоров публики в *публичных соборищах*, как-то: в *рядах, банях и кабаках*, что уже и исполняется, а между дворянством также всякие разговоры примечаются (здесь и далее курсив мой. – О. К.)» [цит. по: Анисимов, с. 89]. Князь Волконский четко отделял «публику» (простой народ) от дворянства и называл места его скопления (ряды, бани, кабаки) «публичными».

Помимо «латинского» термина «публичный», был в употреблении и иной, относящийся к греко-православной традиции, – «ecclesia». Именно опираясь на него, называл по-русски церковь «общественной» (в смысле общественного места) замечательный писатель петровского времени И. Т. Посошков. Он писал, обращаясь к сыну: «Пришел ты в *общественную церковь*, с церковью и молись вкупе» [Посошков, с. 100], и наставлял его в том, что молиться следует не только за себя, но и за всех православных: «несть Божия повеления такового, еже бы человеку токмо о самом себе едином молитися, но повеле *общественне* (то есть сообща. – О. К.) молитися... всех бо нас Господь во единосугубие совокупил» [Там же, с. 101]. То есть он понимал церковное пространство как локус, где для общей молитвы собираются разные люди православной веры, создавая таким

² Полностью фраза звучит так: «В городе суть улицы, которыя каменя усланная, ринки [на неких местах с навесами:] и переулки. Народные дома суть в середине города – церковь, школа, приказ, торговый двор. При стенах и воротах – оруженный двор, житный двор, гостинный двор [стояльные дворы], харчевны и шинки [кабаки], игральный двор, Б(о)гаделня [божница], на странных местах – заход и темница. На высочайшой башне суть часы и обиталище стражи. На площадях суть колодцы, река или поток [проточина], чрез город текущая, годится к уполосканию грязи. Кремль проходит на высочайшом месте города».

образом некое единство, «соборность», потому оно «общественное». В своем «Завещании отеческом к сыну» Посошков изобразил идеал церковного пространства, но наряду с этим непреднамеренно описал и другой, более реалистичный его образ, к которому мы в дальнейшем и обратимся.

Курский священник Петр Колмаков, писавший жалобы на свою паству в консисторию в начале 1770-х гг., был солидарен с Иваном Посошковым – церковь для него также есть общественное место (*общее собрание*), где все сообща молятся Богу «за все его благодеяния»: «ибо храмы божии устроены суть для приношении молитв Великому Богу... церковь божия *есть собрание* православных и благочестивых христиан» [РГАДА. Ф. 810. Д. 325. Л. 2].

Таким образом, слова «общественный», «публичный» для определенных мест города, где собирались «многолюдством», существовали, но могли наполняться разным содержанием: людское высокое единение в церкви и «публичные сборища» на рынках и в кабаках явно различались, тем не менее, в них было и общее: коммуникация, людское общение. Иначе говоря, здесь встречались люди, принадлежавшие к разным социальным и возрастным группам, здесь распространялась информация, как официальная, так и неофициальная, здесь устраивались разного рода зрелища и символические действия, в которые втягивались все присутствовавшие. Мне представляется важным рассмотреть, как в общественных местах – на рынках, в банях, кабаках, на постоянных дворах, на монастырских подворьях, в храмах – происходили процессы коммуникации вообще, не только публично-политизированного, но и другого характера: личного, экономического, символического и проч.

В настоящей статье с указанных позиций будет рассмотрен только один пример общественного места, а именно – православного храма, и те социокультурные функции, которые обеспечивались храмовым пространством. Как утверждают С. Рау и Г. Шверхоф, католическая и протестантская церковь – не только место отправления культа, но также и локус, где сходились политические и социальные стороны жизни общины; немецкие авторы отмечают, что трудно исчерпать перечисление всех функций храма: это и странноприимный дом, и место социальной интеграции и социального наказания, а торговая площадь перед ним – место собраний [Rau, Schwerhoff, S. 33–37]. Подобное, учитывая некоторую специфику, уместно сказать и о православном храме.

Событийную историю церковного пространства отражают многочисленные судебные дела консисторий и светских административных учреждений (воеводских канцелярий и магистратов), указы Синода, а также тексты нарративного характера. События, происходившие в российских храмах XVIII в., возможно разделить на относящиеся к (1) местному значению и (2) государственному значению.

Церковь как место локальных событий

В приходском или соборном храме так или иначе встречались разные по своему социальному положению члены городского сообщества. В нем проходили на виду у всех главные семейные события прихожан – крещение, венчание, отпевание. Они тут же и обсуждались. Храмное пространство давало возможность повстречать тех, кого в других обстоятельствах встретить было затруднительно. Например, здесь сходилась молодежь разных семейств, здесь можно было подловить скрывающегося должника³, увидеть приглянувшуюся замужнюю женщину / женатого мужчину, подсмотреть невесту, утаиваемую родителями от женихов, перемолвиться с подружкой без контроля родственников. Праздничное многолюдство в храме обеспечивало удобные условия для действий карманников. Здесь же у дверей храма можно было увидеть осужденных общиной прихожан, которые каялись перед каждым входящим. На паперти много интересного узнавали от странников, владевших полезной информацией о святых местах и чудотворных реликвиях. Например, как рассказал купец Иван Васильев, в 1723 г. он встретил на паперти московской церкви Спаса, что в Пушкинах, нищую, которая спросила, увидев его большие глаза: «Чем де ты глаза от болезни пользуешь?» И затем дала дельный совет, куда пойти и какому образу помолиться [РГИА. Ф. 796. Оп. 18. 1737. № 349. Л. 405]. Для простого люда в храмах имелась возможность лицезреть представителей власти разного уровня. Например, петербуржец Николай Кашин, описывая «самовидное» (то есть то, что сам видел), поведал в своих «Записках», что не раз встречал Петра Великого в Троицком соборе [Кашин, с. 127]. Церковь также была удобным местом для того, чтобы улучшить возможность подать властям прошение.

Церковь как место государственной активности

Православный храм являлся пространством, которое использовалось государством в целях дисциплинирования подданных. В церквях доводили до сведения горожан («публиковали») указы властей. Их читали вслух, так как многие не знали грамоты. Указы не всегда были понятны и часто толковались людьми по-разному, обсуждались ими между собой. Предполагалось, что священники будут помогать в разъяснении указов. Так, указ Анны Иоанновны (от 17 марта 1730 г.) о том, что православные подданные должны исправно посещать храмы в праздничные дни, следовало возглашать в храмах, а также повесить на стену, где все могли его прочесть. Священник же должен был следить за тем, кто указ прочел и как отреагировал, и если реагировал неадекватно, то должен был доложить в консисторию [РГАДА. Ф. 810. Д. 325. Л. 4].

---

³ Были случаи арестов должников по выходе из церкви, см.: [РГАДА. Ф. 810. Д. 347].

В церквях светские и духовные лица публично приносили присягу: а) на верность государю; б) должностные присяги; в) священники – «в проклятие всяких раскольнических согласий» и в «неутайке» раскольников; г) присягали раскаявшиеся раскольники; д) в судебных делах практиковалось крестное целование на Евангелии подозреваемых в преступлении. Последнее было настоящим драматическим действием для присутствовавших в храме: ложная клятва была страшна, но и признание в преступлении – тоже. Крестное целование назначалось, когда свидетелей преступления не было или их показания не могли быть приняты в расчет. «Все виды присяг производились публично при большом стечении народа», – отмечает исследовательница ростовских храмовых порядков [Виденеева, с. 158].

Казусы поведения в церкви

Чинный порядок церковных действий часто нарушался неординарным поведением их участников. Об этом свидетельствуют судебные документы: кто-то без должного энтузиазма присягал царю, кто-то лукавил, отрекаясь от старой веры, кто-то вел себя вызывающе, привлекая к себе особое внимание. Присутствующие в церкви пристально следили за тем, как произносят присягу государю. Например, во время присяги царю Алексею Михайловичу в Рязани боярский сын Дементий Гололобов вместо присяги «неизвестно что шептал», его заставили текст повторить – он опять бормотал неотчетливо и был отправлен в тюрьму. Воевода произвел следствие, нет ли у него дефекта речи или болезни. Оказалось, что нет, речь его всегда отчетлива. Гололобова привели читать присягу в третий раз и заставили-таки все произнести четко [РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 50. Л. 22–23].

Два беглых монаха Самуил и Степан, считавшие царя Петра антихристом, в церкви, когда во время ектеньи возносился титул государя, пытались выразить к нему свое отношение: «Мерзко им было слышать то, и они стали харкать и плевать»; так же они вели себя на заутрене и на часах. Этим монахам зато понравилось в другой церкви, где поп на ектенью вместо «император» возглашал «имперетор», а потом и пояснял: «Прямой имперетор, немало он людей перетер...» [цит. по: Семевский, с. 328]. Указанные происшествия, безусловно, имели политический подтекст, отражавший отношение этих людей к монарху. Можно предположить, что, не имея возможности открыто высказывать свое недовольство, прихожане использовали для этого жесты, мимику, одежду и иные способы, характеризовавшие их отношение к происходившему.

Социальные различия прихожан, собиравшихся в храме на богослужениях, усугублялись в XVIII в. и «разномыслием». Экклесия – единство православного сообщества – теперь нарушалась старообрядцами, иноземцами иных конфессий, сторонниками и противниками петровских реформ, «неблагочестивыми» православными. За тем, как люди ведут себя в храме и не являются ли они скрытыми рас-

кольниками или темными суеверами, следил не только священник. Сами прихожане внимательно наблюдали за поведением ближних: как крестятся, носят ли парик и шпагу, не приносят ли из дома свои иконы, четко ли произносят тексты, не венчаются ли от живых супругов и мн. др.

Заглянуть в пространство храма своего времени позволяет текст «Завещания отеческого» И. Т. Посошкова. Он положил в основу собственных поучений «Домострой» попа Сильвестра, который по жанру также являлся отцовским наставлением сыну. Но Посошков его расширял, дополнял и детализировал до чрезвычайности, отчего его назидания оказались обширны, а для нас – весьма информативны. В отличие от церковно-учительных сочинений, назидания Посошкова относились не только к принятому в сакральном пространстве храма *благочестивому* поведению, значительное внимание он обращал на поведение *цивилизованное*, уместное там, где сталкивается много разных по своему положению людей.

Облик прихожанина, по его мнению, должен соответствовать месту: «вступя в церковную ограду», необходимо снять шапку, не следует приходить на богослужение с тростью или со шпагой, как это делают в католических храмах, нельзя никого толкать и задевать. Внешний вид человека в петровское время воспринимался особо остро: одет ли он новым западным «маниром» или традиционным русским? По этому признаку возможно было судить о его умонастроениях. Так, тамбовский дьячок Степан Выродков вообще перестал бывать на церковных службах из-за того, что их посещали люди с бритыми лицами, которые, как он полагал, являлись *слугами антихристовыми* [Семевский, с. 312–313]. В связи с этой же проблемой самовольного изменения *богоданного облика* путем бритья Посошков негодовал по поводу ношения в церкви париков: человек в парике оказывался перед Богом как будто бы в головном уборе. Он наставлял сына: «И аще кто тебе, сыне мой, речет: “напрасно де ты парука не носишь”. И ты ему рцы, яко “Павел апостол не повелел покровенною головою молитися”» [Посошков, с. 136]. Петербуржец Н. Кашин, наблюдавший приход царя Петра в столичный Троицкий собор, также считал важным сообщить читателям, носил ли он в нем парик: «и по входе в церковь никогда в паруке не входит, сняв, отдает денщику и становится на правый клирос...» [Кашин, с. 127].

Большой пассаж Посошков посвящает тому, как следует в церкви плевать: «не плюй гордостно, в далекость от себя (видимо, такой плевков выражал презрение к окружающим. – О. К.), но плюй токмо перед собою в близости (видимо, такой плевков – физиологическая необходимость. – О. К.)» [Посошков, с. 87]. Плевки определенно носили в русской культуре этикетные смыслы. Об этом свидетельствует русский язык, сохранивший такие выражения, как «переплюнуть» кого-то, «наплевать» на кого-то, быть «оплеванным», «расплеваться с кем-то», «плюнуть в душу» и др. Тема плевков развернута Посошко-

вым во многих подробностях, которые не хотелось бы здесь рассматривать. Однако очевидно, что именно плевками люди выражали свои эмоции, которые было опасно выразить словами. И делали они это в церкви, в общественном месте, чтобы все увидели и поняли. Вспомним тут кстати поведение вышеупомянутых беглых монахов Степана и Самуила, которые демонстративно «стали харкать и плевать», когда на ектенью возглашалось имя царя Петра.

Затрагивает Посошков и вопрос о том, в каком месте храма его сыну лучше стоять во время службы. Пространство церкви традиционно разделялось на мужскую (правую) и женскую (левую) половины, женщины с малыми детьми стояли ближе к дверям, дабы дети не мешали порядку. Совместное присутствие в церкви мужчин и женщин являлось определенным преткновением для благочестивого поведения, и их хотели хоть как-то отстранить друг от друга. Посошков указывал сыну, что женщины – это фактор, отвлекающий мужчин от молитвы. Он предостерегал его:

И на стороны отнюдь не поглядывай: егда бо, поглядев, узриши жену или девицу доброличну и красотою ея уязвишися, то ты всю свою молитву погубиши и вместо ползы пакость себе приобретаеши [Посошков, с. 88].

Как увидим далее, и для родителей юных девиц их посещение церкви тоже создавало подобные проблемы.

Однако, как замечал рачительный отец Посошков, помимо гендерной неоднородности людей в храме, преступавшей желаемое благолепие, его нарушали и социальные различия: место, занятое прихожанином во время службы, должно было соответствовать его социальному статусу и быть близко расположено к излюбленным образам. При занятии мест происходили потасовки. Посошков советовал сыну в них не участвовать:

Аще и самой последней земледелец тебя потеснит, не озлобься на него и не воспротивься ему, но уступлением уступи ему... и аще и в великом могутстве будеши, а во церкви стой яко самый последний человек [Там же, с. 87–88].

Иван Посошков, как и автор Домостроя, призывал сына стоять в церкви «яко твердый столп», на стены не опираться, с ноги на ногу не переминаясь и не глазеть по сторонам: «и, стоя, на стороны не поглядывай: несть бо пользы в поглядывании на стороны, токмо пакость и молитве твоей препятие» [Там же, с. 96]. Отец остерегал сына от болтовни в церкви, которая, надо думать, там всегда имела место.

И никого ни о чесом не вопрошывай, а кто тебя спросит, не распро-стирай речей своих с ним, но всячески потщися прекратить их, дабы тебе,

оставя молитву, в непотребные беседы не войти и моление бы свое не погубити [Посошков, с. 96].

Поставление свеч перед образами также проходило, видимо, под пристальными взглядами присутствующих: кто, сколько, куда и каких свечей поставил. Иван Посошков делился своими наблюдениями:

Есть такие человеци, иже, поставив свою свещу, назирают ю; и аще узрит, еже свечку его кто отлепил и на то место прилепил свою, то он в сердце своем будет досаду имети... И того ради отнюдь не подобает чужих свеч отлепляти и свою на то место поставляти [Там же, с. 89–90].

С церковными свечами в петровское время возникло много проблем. Свечные заводы Петербурга стали производить свечи нового типа: «фигурные, и гладкие, и с позолотою» [РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1111]. Священники оказали яростное сопротивление этому новшеству, борьба вокруг свечей с вмешательством полиции [подробнее см.: Кошелева, 2004, с. 301–302], думается, не оставила и прихожан равнодушными. Конфликты возникали и из-за введения Петром I церковной монополии на продажу свечей в храмах в связи с указом от 28 февраля 1721 г. «О продаже при церквах восковых свечей старостам церковным, а не посторонним лицам»: частным свечным мастерам, «лившим свечи сальные» из имевшегося в их хозяйствах сала, торговлю при храмах пришлось прекратить.

При выходе из церкви прихожане раздавали милостыню нищим. Тут они тоже кичились друг перед другом собственной щедростью, и Посошков предупреждал сына: «И аще что ни подаси (нищим. – О. К.), ни пред кем не славься, ни сам пред собою» [Посошков, с. 109].

Начиная с петровского времени распространяется понятие «суеверие»: так, в духе эпохи Просвещения синодальные власти стали определять не соответствовавшие канонам народные православные обычаи. Народная религиозность в результате так называемой «реформы благочестия» оказалась в фокусе общественных переживаний, которые выплескивались в стенах храмов. Важной традиционной практикой было духовное общение с иконами. Оно-то и стало одним из объектов борьбы «просвещенной церкви» с «суевериями». По словам А. С. Лаврова, «нигде конфликт между «народным православием» и его синодальной версией не был глубже, нежели в почитании чудотворных икон в это время» [Лавров, с. 243]. Особенное раздражение прихожан вызвали одобрявшаяся царем инициатива Феодосия Яновского по сокращению в храмах количества икон и прочие «иконоборческие» действия [Семенова, с. 192–193].

Каждый храм имел или хотел бы иметь свой чудотворный образ. Именно к нему с просьбами, а не к священнику с исповедью стремились прихожане. Теперь же синодальные власти подвергли сомнению и осмеянию многие народно почитавшиеся святыни. Таким

образом иконы, важный компонент церковного пространства, стали объектом обсуждения, споров и конфликтов. Не случайно Посошков взялся разъяснять проблему почитания икон сыну. Он отметил, что из множества образов, находившихся в том или ином храме, прихожане стремились определить наиболее чудодейственный. Дав пространственные рассуждения о неправильности такого поведения, автор подводил итог: «сыне мой, не ищи особливаго образа чудотворного, но веждь, яко всяким образом силен есть Бог чудеса творити по вере» [Посошков, с. 94].

Уже знакомый нам современник Посошкова Николай Кашин в своих «Записках» также обратился к сюжету чудотворной иконы, рассказав «реальный» случай, произошедший в Казанской церкви, что на Петербургском острове. Эта церковь была «простым и низким зданием», построенным «народным тщанием» [Богданов, с. 301]. Между 1717 и 1718 гг. из нее изъяли любимый всеми чудотворный образ Богородицы Казанской в богатом окладе. О том, как это произошло, и поведал Кашин:

И весьма полюбился оклад бывшему тогда архимандриту Невского монастыря Феодосию... приехав в церковь Казанскую для осмотра порядка церковного, при том выговорил, что образ Богородицын низко в иконостасе стоит, всякие люди к нему прикасаются; велел ее взять и отнести в Невский монастырь; не по многом времени ризу ободрав, велел поставить во святых воротах того ж монастыря [Кашин, с. 135].

Прихожане не смирились с утратой своей святыни. Среди них нашелся человек, имевший доступ к царю, директор петербургской типографии Михаил Петрович Аврамов (документы подтверждают, что Аврамов действительно жил рядом с этой церковью). Он «взял смелость просить его величество» об иконе, Петр же ему ничего не ответил. Но на следующий день во время пирушки царь спросил церковных иерархов, какая икона является чудотворной, а какая – нет: «ведь написание едино». Напомню, что в рассказе Кашина при описании конфликта Феодосия с прихожанами проблема чудотворности иконы не возникала: Феодосий польстился на богатый оклад Казанской, он даже не поместил икону в храм, а «раздел» ризу и выставил ее на улицу, сделав надвратным образом. Однако суть конфликта, видимо, была не в окладе, а в разнице взглядов на чудотворность иконы. Кашин не посмел прямо вдаваться в этот щекотливый вопрос, но и обойти его он также не захотел. Поэтому и появился в тексте, казалось бы, не совсем к месту анекдот, в котором из-за подпития иерархи затрудняются ответить Петру на его вопрос «от Священного писания», а разъясняют по-простому: разница, говорят они, между чудотворной и нечудотворной иконой такая же, как между царской шляпой, что сегодня держит царский денщик, и той шляпой, что была на Петре прострелена пулей в Полтавском

сражении [Кашин, с. 135–136]. Видимо, имелось в виду то, что икона должна иметь свою чудесную историю.

В текстах Посошкова и Кашина, как видим, нашли отражение размышления и пересуды простых прихожан петербургских храмов по поводу новой церковной политики в отношении икон.

Борьба с кликушеством в церквях также относилась к противостоянию с суевериями. Храмовое пространство часто использовалось в личных целях как женщинами с неуравновешенной психикой, так и притворщицами [Лавров, с. 376–393]. В указе от 7 мая 1715 г. о наказании женщин, которые в церквях кричат, изображая одержимость бесами, большую часть текста занимает собственный рассказ Петра о том, как он вывел на чистую воду плотничью жену Варвару, неосмотрительно начавшую «кликать» в церкви Исаакия Долмацкого в его присутствии [ПСЗ, № 2096, с. 156]. Варвара на допросе призналась, что в пьяной драке побили ее деверя, она же решила поквитаться с обидчиком, «кричать, что испорчена» им, и «ево тем погубить» как колдуна [РГАДА. Ф. 248. Кн. 63. Л. 683–684]. По мнению Петра, этот пример, растиражированный в указе, должен был убедить подданных, что кликуши являются притворщицами, оговаривают невинных людей и тем заслуживают наказания. Указ получился убедительным благодаря этому примеру. Но у прихожан могло быть и иное мнение: ведь «кликали» именно в церкви неспроста – это было сакральное пространство, в котором происходили необычные вещи, и тут обман был особенно опасен.

В процессе проведения в петровское время «реформы благочестия» и появления различных культурных нововведений церковное пространство оказывалось перенасыщенным впечатлениями, эмоциями и информацией. Оно стало «школой», в которой народ учился реагировать на новшества – приспосабливаться к ним, протестовать, обходить и обманывать, воспринимать с доверием. Возможно, именно потому, что социальная и культурная напряженность в церковном пространстве стала слишком уж высокой, Иван Посошков хотел видеть церковь «общественным местом», где пусть не все равны, но зато все едины в общей молитве.

Атака Синода на суеверия, тем не менее, не оказалась победной. Многие традиции прихожанам удавалось долго сохранять в привычных для них формах. Обратимся к началу 70-х гг. XVIII в., когда вышеупомянутый курский священник Ильинской церкви⁴ Петр Колмаков повел борьбу с привычками своих прихожан. Он жаловался в Консисторию на родительский запрет дочерям-девицам посещать храмы в иные, кроме пасхального цикла, дни. Их отпускали в храм только на четырехдесятницу (в первую неделю поста) для исповеди и причастия. Но и тут, сетовал священник, девицы делают все «с противным же церкви обычаем... приходят, натерши лицо свое белилом

---

⁴ Ильинская церковь находилась в городском центре на Большой Московской улице, была отстроена в камне в 1763 г. [Ларионов, с. 40].

и намазавшись краскою», а в остальном «препровождают праздничные дни, украся лица своя вышеозначенными красками», гуляя по улицам и веселясь «в то время, когда служба Божия отправляется». Жители Курска сделали попытку отстоять перед Консistorией свой, как выразился Колмаков, «богопротивный обычай». Они «остались упорственными, объявляя больше того, что во всем городе Курске обычай такой имеется», и «просили с требованием в резолюцию указа в консисторию его преосвященства представить» их мнение [РГАДА. Ф. 810. Д. 325. Л. 1–4].

Священник объяснял причины, по которым отцы отказываются посылать девиц в церковь, не только «леностью, холодностью к благочестию и малым рассуждением», но и «от давних лет вкоренившимся обычаем», который куряне противопоставляли «церковным законам и государственным установлениям» [Там же. Л. 2]. Такой обычай, очевидно, действительно существовал, его упоминали в XVI в. Антонио Поссевино [Поссевино, с. 26, 208] и другие иноземцы. Видимо, отцы куряне считали именно свою власть над детьми абсолютной и полагали, что это их право – решать, куда и когда ходить их детям. После замужества же вопрос посещения женщиной церкви уже решал муж.

Вероятно, указанный обычай основывался и на том, что юным девицам находиться на глазах у всех в общественном месте было ни к чему, невест предпочитали не показывать. Зато когда девицы все же появлялись в церкви, они должны были (невесты же!) произвести наилучшее впечатление. Недаром перед службой они красились и, надо думать, наряжались. Здесь сталкивались соображения благочестивости и матримониальные задачи. Осуждая жен и девиц, приходивших к причастию с накрашенным лицом, Колмаков обращался к их разуму: «обычай этот, – писал отец Петр, – противен Богу и с разумом здравым несовместный». Эту несовместность он объяснял тем, что женщины совершают обман, «представляя пред всевидящими очами Создателя своего не то лицо, которое Он им при их рождении дал, а притворную красоту являющее» [РГАДА. Ф. 810. Д. 325. Л. 3]. Как тут не вспомнить те же упреки, предьявлявшиеся к мужскому бритью бороды и к ношению париков! Священник не возражал против женских скромных украшений и «лепоты риз», однако настаивал, что обращать внимание надо на истинную красоту, а именно – на «красоту духовную». В жалобе Петра Колмакова отразились его преппирательства с паствой и по другим вопросам: многие «отговаривались» от посещения храма боязнь ограбления дома в отсутствие хозяев, священник же советовал им оставаться сторожить дом по очереди.

Заключительная часть послания в Консistorию священника Колмакова отразила его собственное понимание значимости посещения церквей в праздники. Оно опиралось не столько на Священное Писание, сколько на указы Петра I и Анны Иоанновны о том, что все православные должны регулярно посещать храмы.

***

Итак, каким «общественным местом» мы видим городской храм XVIII в.? Экклессия – площадка общения для собрания равных, но равных только в своей молитве к Богу и перед Богом. Это место обязывало к достойному поведению и не предназначалось для каких-либо препирательств и конфликтов, которые происходили вопреки его предназначению, поэтому по сравнению с другими общественными местами в нем все же сдерживали свои эмоции. Здесь со стен храма на каждого смотрели святые лики, совершались таинства, паства так или иначе находилась под недреманным оком Господа и под давлением авторитета священнослужителей. Конечно, «политическая» роль священника в пространстве храма – тема особая. Достаточно вспомнить вышеупомянутого пастыря, который на ектеньях умышленно говорил «император» вместо «император». Приходское священство было недовольно новшествами, вошедшими в жизнь с правлением нового царя Петра, и, как показывает Е. В. Акельев, церковные иерархи пытались повлиять на молодого царя и укротить его рвение к нововведениям увещеваниями, а возможно, и подстрекательством к бунту [Акельев, 2022, с. 155–198]. Мысль о том, что Петр и есть ожидаемый при конце света антихрист, в российском народе разделяли далеко не все, но все о ней так или иначе знали, и получить правильный ответ было чрезвычайно важно каждому. Поэтому ее обсуждали, не могли не обсуждать: не только старообрядцы, как обычно считается, но и большая часть населения опасалась, что Петр действительно антихрист. Однако назвать церковное пространство в русле Ю. Хабермаса местом, где могли вызревать определенные убеждения, с желанием их претворять в жизнь, никак невозможно. Здесь, впрочем, как и в других общественных местах, но более сдержанно, выражались только эмоции. Вполне типично поведение купца Ивана Гаврилова, который, как сообщается в доносе на него 1762 г., вышел на торговую площадь и

...при многом собрании учинил пасквилотворительное ругательство города Гороховца воеводе, называя его тем падсквильным интересным вором, и, неудовольствуясь тем, ходя и по улицам, чинил такие ж свои падсквильные публики [РГАДА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 274. Л. 9].

Серьезные попытки что-то поменять в политической жизни происходили иным образом, и у нас есть небольшая возможность увидеть, как это происходило. Американский исследователь Р. Дарнтон использовал полицейские отчеты, чтобы проследить то, как пасквильные стишки, чернившие французского короля и его окружение, распространялись от одного человека к другому, вызывая таким образом непочтительное отношение к королевской особе [Дарнтон,

2016]. В Москве произошла подобная попытка сформировать общественное мнение в отношении особы Петра. Ее тоже отразили материалы органов сыска – записи пыточных показаний людей, которым книгописец Григорий Талицкий хотел доказать путем расчетов и ссылок на Писание, что Петр – антихрист, следовательно, надо готовиться к Страшному суду. Допросы по его делу показывают, куда именно он ходил для того, чтобы, по его выражению, свои идеи «пустить в мир». Из 23 случаев бесед Талицкого с москвичами по этому вопросу одна происходила на подворье Троицкого монастыря, находившегося в Кремле, одна – за Курскими воротами, одна случайная встреча состоялась в церкви, остальные 20 – в домашних условиях. Талицкий не использовал общественных мест, потому что так было безопаснее, в них всегда присутствует некий контроль, есть незнакомые люди, и среди них – доносители. На этих встречах Талицкий не просто говорил с людьми, а обязательно давал им письменные тексты, «тетрадки», чтобы их переписывали, и мечтал уехать в Киев, чтобы там напечатать свои труды [см. об этом: Есипов, с. 59–84; Голикова, с. 135–145].

Возвращаясь к Ю. Хабермасу, следует отметить, что, как уже не раз утверждалось, такого политического пространства, где можно было бы свободно обсуждать действия властей и формировать общественное мнение по их поводу, в России не возникло [Несовершенная публичная сфера; Акельев, 2021]. Но тогда мы получаем «пустое место» в этой области, а такого в жизни не бывает, всегда имеется нечто иное. Указ Екатерины II от 15 июня 1763 г. «о неболтании лишнего», о речах, нарушающих общественное спокойствие «по делам, до правительства относящихся», ясно свидетельствует о строгом запрете политических дебатов, а после Французской революции – вообще любых собраний [Кошелева, Ржеуцкий, с. 140–163]. Указ повторялся неоднократно, за его выполнением следила полиция, обращая свое внимание в первую очередь на общественные места, где такие дебаты возникали (вспомним о разговорах «публики в публичных соборищах, как-то: в рядах, банях и кабаках»). Просвещенные люди уже открыто сожалели об отсутствии мест, помимо собственных жилищ, где политические разговоры были бы в порядке вещей. В одной из статей своего запрещенного журнала «Друг честных людей, или Стародум» Денис Фонвизин размышлял:

...Отчего имеем мы так мало ораторов? Никак нельзя положить, чтобы сие происходило от недостатка национального дарования... Истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при коих бы дар красноречия мог показаться. Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют... Какого рода и силы было бы российское витийство, если бы имели мы, где рассуждать о законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих [Фонвизин, с. 64].

«Витийство» как публичные политические рассуждения не имело возможности прижиться на российской почве, но эта ситуация и породила мощный общественно значимый заряд русской литературы XIX в., в которой, несмотря на цензуру, обсуждались все насущные проблемы государства. Впрочем, об этом давно уже было сказано М. Е. Салтыковым-Щедриным:

Литература есть очаг общественной мысли... и в особенности важны ее заслуги в этом смысле там, где замечается недостаток в публичности и где, следовательно, общество представляет собой не что иное, как собрание разрозненных единиц [Салтыков-Щедрин, с. 16–17].

А что историк? Для него остается даже еще сегодня не поставленная отчетливо задача «проследить, как именно радикальные идеи просачивались из философских трактатов (и из литературы. – О. К.)... в самые малообразованные слои общества» [Дарнтон, 2024, с. 7].

Библиографические ссылки

Акельев Е. В. Режимы публичности и верховная власть в Московском государстве и Российской империи // *Cahiers du monde russe*. 2021. № 62/4. Р. 785–814. DOI 10.4000/monderusse.13015.

Акельев Е. В. Русский Мисопогон. Петр I, брандобритие и десять миллионов москвитов. М. : Новое лит. обозрение, 2022. 624 с.

Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М. : Новое лит. обозрение, 1999. 719 с.

Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб. : Тип. Воен. коллегии, 1779. 528 с.

Виленеева А. Е. Ростовские соборяне в XVIII веке (до перевода архиерейского дома в Ярославль) // *История и культура Ростовской земли*. 1995. Ростов : Ярославль : [Б. и.], 1996. С. 153–159.

Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. 337 с.

Дарнтон Р. Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII в. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 192 с.

Дарнтон Р. Месмеризм и конец эпохи Просвещения во Франции. 2-е изд. М. : Новое лит. обозрение, 2024. 240 с.

Есинов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии : в 2 т. СПб. : Тип. «Обществ. польза», 1861. Т. 1. 654 с.

Кашин Н. И. Поступки и забавы императора Петра Великого // *Петр Великий : Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты*. СПб. : Пушк. фонд, 1993. С. 126–137.

Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова. М. : ОГИ, 2004. 487 с.

Кошелева О. Е. «Приходи, отроча, учися мудрствовать!» (две ранних рукописи с русским переводом Orbis Pictus Яна Амоса Коменского) // *Вестн. РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языковедение. Культурология*. 2023. № 7. С. 12–25. DOI 10.28995/2686-2023-7-12-25.

Кошелева О. Е., Ржеуцкий В. С. «Никакие сих развратных умов намерения нимаейше успеть не могут»: московские власти и французские учителя в 1795 г. // *Одиссей. Человек в истории* – 2022. М. : Ин-т всеобщ. ист. РАН, 2022. С. 140–163.

Лауров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М. : Древлехранилище, 2000. 572 с.

Ларионов С. Описание Курского наместничества. М. : Тип. Пономарева, 1786. 205 с.

Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России : сб. ст. / сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М. : Новое лит. обозрение, 2021. 744 с. ОР БАН. 1.2.1; 26.3.1.50.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 5.

Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением, за подтверждением божественных писаний. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1873. 330 с.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 276 с.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 50 (1645 г.); Ф. 248. Кн. 63; Ф. 479. Оп. 1. Д. 274; Ф. 810. Д. 325.

РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1111; Оп. 18. 1737. Д. 349.

Салтыков-Щедрин М. Е. Напрасные опасения (по поводу современной беллетристики) // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. М. : Худож. лит., 1970. Т. 9. С. 7–35.

Сдвижков Д. А. Знайки и их друзья. Сравнительная история русской интеллигенции. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 392 с.

Семевский М. И. Тайный сыск Петра I. [Репринт. изд.]. Смоленск : Русич, 2000. 634 с.

Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). М. : Весь мир ; СПб. : Блиц, 1998. 227 с.

Словарь русского языка XVIII века. СПб. : Наука, 2006. Вып. 16. 277 с.

Фонвизин Д. И. Друг честных людей, или Стародум // Фонвизин Д. И. Соч. : в 2 т. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1959. Т. 2. С. 40–78.

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Berlin : Neuwied, 1962. 310 S.

Habermas J. Further Reflections on the Public Sphere // Habermas and the Public Sphere / ed. by C. Calhoun. Cambridge, MA : MIT Press, 1992. P. 421–461.

Rau S., Schwerhoff G. Öffentliche Räume in Der Frühen Neuzeit. Überlegungen zu Leitbegriffen und Themen eines Forschungsfeldes // Zwischen Gotteshaus und Taverne. Öffentliche Räume in Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg. von S. Rau und G. Schwerhoff. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2004. S. 33–37.

References

Akel'ev, E. V. (2021). Rezhimy publichnosti i verkhovnaya vlast' v Moskovskom gosudarstve i Rossiiskoi imperii [Regimes of Publicity and Supreme Power in the Moscow State and the Russian Empire]. In *Cahiers du monde russe*. No. 62/4, pp. 785–814. DOI 10.4000/monderusse.13015.

Akel'ev, E. V. (2022). *Russkii Misopogon. Petr I, bradobritie i desyat' millionov moskovitov* [Russian Misopogon. Peter I, Barbering, and Ten Million Muscovites]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 624 p.

Anisimov, E. V. (1999). *Dyba i knut. Politicheskii syisk i russkoe obshchestvo v XVIII v.* [The Rack and the Whip. Political Criminal Investigation and Russian Society in the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 719 p.

Atnashev, T., Vaizer, T., Velizhev, M. (Eds.). (2021). *Nesovershennaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* [An Imperfect Public Sphere. The History of Publicity Regimes in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 744 p.

Bogdanov, A. I. (1779). *Istoricheskoe, geograficheskoe i topograficheskoe opisanie Sankt-Peterburga* [Historical, Geographical, and Topographical Description of St Petersburg]. St Petersburg, Tipografiya Voennoi kollegii. 528 p.

Darnton, R. (2016). *Poeziya i politsiya. Set' kommunikatsii v Parizhe XVIII v.* [Poetry and the Police. Communication Networks in Eighteenth-Century Paris]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 192 p.

Darnton, R. (2024). *Mesmerizm i konets epokhi Prosveshcheniya vo Frantsii* [Mesmerism and the End of the Enlightenment in France]. 2nd Ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 240 p.

Esipov, G. V. (1861). *Raskol'nich'i dela XVIII stoletiya, izvlechennye iz del Preobrazhenskogo prikaza i Tainoi rozysknykh del kantselyarii v 2 t.* [Schismatic Affairs of the 18th Century, Cases Extracted from the Preobrazhensky Office and the Secret Chancellery. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya "Obshchestvennaya pol'za". Vol. 1. 654 p.

Fonvizin, D. I. (1959). *Drug chestnykh lyudei, ili Starodum* [Friend of Honest People, or Starodum]. In Fonvizin, D. I. *Sochineniya v 2 t.* Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. Vol. 2, pp. 40–78.

Golikova, N. B. (1957). *Politicheskie protsessy pri Petre I. Po materialam Preobrazhenskogo prikaza* [Political Processes under Peter the Great. Based on the Materials of the Preobrazhensky Prikaz]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta. 337 p.

Habermas, J. (1962). *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft.* Berlin, Neuwied. 310 S.

Habermas, J. (1992). Further Reflections on the Public Sphere. In Calhoun, C. (Ed.). *Habermas and the Public Sphere.* Cambridge, MA, MIT Press, pp. 421–461.

Kashin, N. I. (1993). *Postupki i zabavy imperatora Petra Velikogo* [The Deeds and Amusements of Emperor Peter the Great]. In *Petr Velikii. Vospominaniya. Dnevnikovye zapisi. Anekdoty.* St Petersburg, Pushkinskii fond, pp. 126–137.

Kosheleva, O. E. (2004). *Lyudi Sankt-Peterburgskogo Ostrova* [People of the St Petersburg Island]. Moscow, OGI. 487 p.

Kosheleva, O. E. (2023). "Prikhodi, otrocha, uchisya mudrstvovati!" (dve rannikh rukopisi s russkim perevodom Orbis Pictus Yana Amosa Komenskogo) ["Come, boy, to learn wisdom" (Two Early Manuscripts with a Russian Translation of *Orbis Pictus* by Jan Amos Komensky)]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarsvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya.* No. 7, pp. 12–25. DOI 10.28995/2686-2023-7-12-25.

Kosheleva, O. E., Rjeoutski, V. S. (2022). "Nikakie sikh razvratnykh umov namereniya nimaleishe uspet' ne mogu": moskovskie vlasti i frantsuzskie uchitelya v 1795 g. ["No intentions of these depraved minds can manage to be successful": The Moscow Authorities and French Teachers in 1795]. In *Odisei. Chelovek v istorii – 2022.* Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 140–163. DOI 10.32608/1607-6184-2022-28-1-140-163.

Larionov, S. (1786). *Opisanie Kurskogo namestnichestva* [Kursk Governorate Description]. Moscow, Tipografiya Ponomareva. 205 p.

Lavrov, A. S. (2000). *Koldovstvo i religiya v Rossii. 1700–1740 gg.* [Witchcraft and Religion in Russia. 1700s–1740s]. Moscow, Drevlekhranilishche. 572 p.

OR BAN [Department of Manuscripts of the Russian Academy of Sciences Library]. 1.2.1, 26.3.I.50.

Pososhkov, I. T. (1873). *Zaveshchanie otecheskoe k synu svoemu, so nravoucheniem, za podtverzhdeniem bozhestvennykh pisanii* [A Fatherly Testament to His Son, with Moral Teaching, with Confirmation of the Divine Scriptures]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i Co. 330 p.

Possevino, A. (1983). *Istoricheskie sochineniya o Rossii XVI v.* [Historical Writings about Russia of the 16th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 276 p. *PSZ* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 5.

Rau, S., Schwerhoff, G. (2004). Öffentliche Räume in Der Frühen Neuzeit. Überlegungen zu Leitbegriffen und Themen eines Forschungsfeldes. In Rau, S., Schwerhoff, G. (Hrsg.). *Zwischen Gotteshaus und Taverne. Öffentliche Räume in Spätmittelalter und Früher Neuzeit.* Köln, Weimar, Wien, Böhlau, S. 33–37.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 210. List 21. Dos. 50 (1645 Year); Stock 248. Book 63; Stock 479. List 1. Dos. 274; Stock 810. Dos. 325.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 796. List 3. Dos. 1111; List 18. 1737. Dos. 349.

Saltykov-Shchedrin, M. E. (1970). Naprasnye opaseniya (po povodu sovremennoi belletristiki) [Vain Fears (on Modern Fiction)]. In Saltykov-Shchedrin, M. E. *Sobranie sochinenii v 20 t.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 9, pp. 7–35.

Sdvizhkov, D. A. (2020). *Znaiki i ikh druž'ya. Sravnitel'naya istoriya russkoi intelligentsii* [Doonos and Their Friends. A Comparative History of the Russian Intelligentsia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 392 p.

Semenova, L. N. (1998). *Byt i naselenie Sankt-Peterburga (XVIII v.)* [The Life and Population of St Petersburg (18th Century)]. Moscow, Ves' mir, St Petersburg, Blits. 227 p.

Semevskii, M. I. (2000). *Tainyi syisk Petra I* [The Secret Investigation of Peter the Great]. Smolensk, Rusich. 634 p.

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. (2006). St Petersburg, Nauka. Iss. 16. 277 p.

Videneeva, A. E. (1996). Rostovskie soboryane v XVIII veke (do perevoda arkhieiereiskogo doma v Yaroslavl') [Rostov Church People in the 18th Century (before the Transfer of the Archbishop's House to Yaroslavl)]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli. 1995*. Rostov, Yaroslavl', S. n., pp. 153–159.

The article was submitted on 10.02.2024